

Крайний Север — это регион, исторически отличавшийся низкой плотностью населения, дисперсностью расселения и громадными масштабами территорий традиционного хозяйствования. Особенности экологии жизнеобеспечения определяли возможности ведения военной деятельности.

Существовали ли войны на Крайнем Севере? На этот вопрос можно ответить так: войны родоплеменных групп реализовывались как боестолкновения — столкновения на почве территориальных претензий, охоты на женщин, угона оленних стад и пр. Подобные военные конфликты происходили повсеместно.

Говоря о боестолкновениях, прежде всего, следует учитывать численность противоборствующих сторон. В наиболее масштабных столкновениях численность отрядов, как правило, не превышала 400 человек. Эта цифра — своего рода константа, определяемая логистикой войны, — неоднократно повторяется в описаниях наиболее запомнившихся войн на Крайнем Севере.

Более будничными и повседневными были набеги, в которых участвовали несколько десятков человек, а в фольклорной модели войн — и до десятка. Для разгрома одного

стойбища и угона многотысячного стада оленей могло хватить нескольких воинов.

Дисперсность расселения превращала войну в серию эпизодических боестолкновений, длящихся десятилетиями. Нападение не сразу фиксировалось. Его участники не всегда идентифицировались. Они растворялись в бескрайних просторах Севера. И мстителям нужно было еще подрасти. Вот так и описываются войны в фольклоре сахалинских нивхов: «Копьями кололи и из луков стреляли, всех их перебили. Потом домой пришли. Так и жили, ровно пятьдесят лет. Потом люнские нивхи подросли. Когда их стало много, тогда они к пльвовским нивхам воевать пришли».

Ни войны, ни мира... Для коренных народов Севера войны как боестолкновения — всего лишь эпизоды в повседневной жизнедеятельности. Поэтому в организации военной деятельности велика роль случайности. Случайны причины войны (гости или хозяева обиделись друг на друга), случайными могут быть объекты нападений (предпочтительнее, чтобы это были не родственники), случайны инициаторы военных затей и составы ватаг, случайны военные союзники. Заблаговременный

поиск союзников не к лицу воину. И даже не все родственники могут к нему присоединиться, рассматривая его войну как сугубо личный фатум.

На Крайнем Севере падающего не подтолкнут, но тонущему руки не подадут. Какой в этом смысл, если духи избрали его для пропитания? Для воинов Севера высокий ценностный статус имеет жертвенное поведение. Узнав о предстоящем нападении, герои фольклора спокойно ложатся спать, а враги во время сна закалывают их копьями через стенки чума.

Непобедимый герой юкагирского фольклора Эдилвей, оставив оружие в тундре, приходит в гости к чукчам. Они узнают в нем заклятого врага, вяжут и собираются его отправить в другой мир. «Ладно, убейте, для того и пришел», — соглашается он. Но во время ритуального жертвоприношения (или ритуальной трапезы) Эдилвей внезапно убегает, убивая попутно ножом с обломанным концом всех чукчей. Чукчи в свою очередь, гонялись за ним по всей тундре.

Жертвенное поведение — это не только фольклорная модель. Именно так повел себя вождь ненецкой мандады Вавле Ненянг, который, оставив основную часть ватаги, пришел в гости к управителю Обдорского края князю Тайшину, где его схватили русские казаки.

Объект нападения еще следовало найти. Вероятный противник предпочитал перекочевать, а не биться. Поэтому война превращалась у ненцев в затяжную погоню на упряжках. Когда тридцать три Тунго решили отнять «свою» женщину у откочевавших четырех Псяя, последние умчались и три дня ничего не было слышно. На четвертый день кавалькада пронеслась мимо чума в обратную сторону. И еще через три дня возвратились только братья Тунго.

Поскольку соседние родоплеменные группы не представляли интереса, то практиковались глубокие рейды — на расстояния до 2 тыс. км. Если учесть, что сезонное бытовое кочевание совершалось на

расстояния до 700 км, то боевой поход нескольких десятков человек не представляется столь уж дальним. Поражает в этой связи только то, что основной театр боевых действий Спарты — наиболее воинственного государства Эллады — не превышал полутора сотен километров.

Контраст с античной культурой войны и в том, что герои Севера не нуждаются в покровительстве богов. Эпические воители в разгар сражений летают по небу, прыгают на большие расстояния, благодаря шаманскому дару предугадывают появление противника и поражают его.

В пантеоне коренных народов Севера нет богов войны, а в культуре — священной войны. В ненецком фольклоре верховные боги-братья Нум и Нга — это работяги. Последний, правда, не вполне успешен и предпочитает плохие дела делать. Так, созданные им люди постоянно дерутся, и их отправляют под землю.

Из-за разногласий в творении между Нумом и Нга время от времени возникают споры. Братья начинают биться семь раз по семь лет. Но утомившись, они мирятся и дальше дела делают вместе.

Таким образом, война демиургов опосредствует производственный конфликт. Война завершается компромиссом. Трудовое соперничество братьев разрешается распределением сфер влияния. В конце концов Нум уходит на небо, а Нга отдает подземный мир.

По Гераклиту Эфесскому, война — отец всего. В картине мира коренных народов Крайнего Севера война занимает скромное место, составляя «перерыв постепенности» в повседневной жизни.

á

Якутский князь с наградным оружием, около 1903 г.